

Анна ГАЛЬБЕРШТАДТ

Анна Гальберштадт-Комар – поэт, переводчик. Член Американского ПЕН-центра. Автор нескольких поэтических сборников на русском и английском языках, вышедших в России и США. Родилась и выросла в Вильнюсе в семье ученого, профессора биологии Вильнюсского университета. С 18 лет жила в Москве, где получила образование психолога в МГУ. С 1980 года живет в Нью-Йорке. Работает психотерапевтом, преподает и консультирует. Муж – художник Виталий Комар, один из основоположников соцарта.

КОНИ-АЙЛЕНД

Дневник психотерапевта¹

Наяна

В нью-йоркском социальном агентстве для новых американцев нас приняла ведущая по трудоустройству Фиона Берковиц, дама средних лет в серой юбке из добротной шерсти и в кофте с вышивкой, как у тирольской крестьянки, на груди. Подобные наряды в Москве я рассматривала у своей свекрови, в журнале *Burda* и каталоге *Spiegel*. На встречу мы явились всей семьей – ребенка какая-то дама увела к себе в соседний кабинет. Мама страдала болезнью Паркинсона в уже тяжелой форме, а отцу на момент иммиграции было шестьдесят четыре года, еще вполне плодотворный возраст для ученого, нейрофизиолога, профессора, преподававшего все биологические дисциплины в Вильнюсском университете на двух факультетах, биологическом и медицинском. Переводчика нам не дали, поскольку мой уровень владения языком после английской спецшколы зашкаливал по меркам агентства.

Я чувствовала большую ответственность за родителей и ребенка, и вину перед папой, который оставил любимую работу и студентов ради меня. В Вене я сказала родителям, что в Израиль не поеду, несмотря на маминых родственников, поселившихся там уже более десяти лет тому назад. Сын мой был по отцу русским, я не знала, какое там будет к нему отношение и, конечно же, боялась армии для него. О том, что Саша был евреем на правильную половину, я понятия тогда не имела. Кроме того, я выросла в Вильнюсе, относительно небольшом городе, и представляла себе Израиль как глубокую провинцию, где бабушки из Жмеринки и Каменец-Подольского лузгают семечки, сидя на лавках, и обсуждают соседей. Правда, это же происходило и в Москве на Профсоюзной, когда я возвращалась с лекций в МГУ, бабушка мужа Мария Николаевна строгим голосом мне говорила: «Вот Авдотья Никитична сказала: а что же это ваша невестка с мной не поздоровалась?»

А я и понятия не имела, кто такая была эта Авдотья Никитична и как звали остальных теток на лавке возле подъезда.

---

¹ Имена в тексте в основном изменены автором.

Служащая поглядела на папу, пролистав папку с его делом, и сказала: «А вам, мистер Гальберштадт, устроиться на работу в вашей области тут также невозможно, как мне стать балериной!»

Я похолодела, представив, как у папы случится инфаркт на месте, и даже не стала переводить ему слов Фионы, а пробормотала что-то обтекаемое.

Удача

В следующий раз Берковиц приняла меня одну. Пролистав мой диплом с вкладышем психфака МГУ, она сказала, что название предмета «этология» написано неправильно – нужно «этиология». Я объяснила ей, что этология – это наука о поведении животных, которую нам преподавал профессор Фабри. Поглядев на мое резюме – младший научный сотрудник в Институте психологии Академии педагогических наук и психиатрическая больница имени П.П. Кащенко, на документ с отметками по сдаче кандидатских минимумов и т.д., она вздохнула и сказала мне: «Вы образованная девушка, но в Америке многие студентки работают официантками в ресторанах. Вы тоже можете попробовать. Пройдет время, и как-нибудь я встречу вас на улице, вы будете одета как леди, и будете работать по профессии». Взглянув на очередной наряд Фионы, я, одетая в юбку, сшитую в Доме моды, где моя свекровь обшивала дам из московского высшего света, и в шелковую блузку, купленную за десятку на рождественской распродаже в римском Бенеттоне, про себя пробормотала: «Да я и сейчас больше похожу на леди, чем вы, миссис Берковиц, с вашим провинциальным вкусом».

Одна из сотрудниц агентства, симпатичная дочь немецких евреев, бежавших от Гитлера, предложила мне курсы машинисток, на которых я, левша, пишущая правой как курица лапой, стала учиться. В то же время я искала любую работу. В ресторане менеджер, сочувственно поглядев на меня, исхудавшую за время иммиграции, сказал, что я не похожа на девушку, которая будет с легкостью таскать тяжелые подносы. В рекламном агентстве человек, который сказал, что я со своей внешностью подойду для реклам европейских продуктов, объяснил мне, что для этого нужно портфолио со снимками профессионального фотографа, на которое у меня, конечно же, не было денег, и попытался обнять меня за талию.

Моя американская тетя Нина, папина кузина, оказавшаяся в Америке в конце сороковых, преподавала русский язык и литературу в Нью-Йоркском университете, но при этом употребляла такие обороты, как «сегодня мы имели хороший диннер». Когда я ей сказала, что волнуюсь по поводу трудоустройства, она ответила мне по телефону:

«Анечка, ну кто же летом работает? А почему бы тебе не выйти замуж? Например, за какого-нибудь католика-итальянца?»

«Почему итальянца, тетя Нина?», – спросила я в недоумении.

И тут произошло чудо – женщина, которая заверяла копии документов в Няене, американский адвокат, сказала мне: «Вы психолог и хорошо говорите по-английски, Моррис Блэк как раз ищет психолога для работы с русскими. Давайте я ему позвоню».

И в тот же день я отправилась на встречу с Моррисом, который заведовал клинической работой в агентстве, сети клиник и программ психического здоровья, как оказалось, самом престижном в Америке, где преподавали все звезды тогдашней психиатрии и психоанализа.

Моррис позвонил какому-то мистеру Поллаку, и тот тут же назначил мне интервью в клинике в Кони-Айленд, районе южного Бруклина, неподалеку от Брайтона, где уже поселились тысячи иммигрантов из совка.

Интервью

На дворе был жаркий и влажный нью-йоркский июль. Моя единственная в Нью-Йорке московская подруга Любка предложила в день моего интервью заодно съездить на пляж. Тем более что клиника находилась буквально через дорогу от аквариума в Кони-Айленд. Я взяла с собой купальник, надела один из двух летних нарядов, которые у меня были (уезжали мы в ноябре), и села в метро с Любашкой. На пляже мы проголодались и купили пару пирожков – пуэрториканских эмпанад с мясом. Начинка оказалась острой, и вскоре у меня забурлило в животе.

Клиника находилась в одноэтажном здании бывшей кондитерской фабрики Бономо. В темном кабинете сидел мистер Поллак, нестарый грузный директор клиники, который, поговорив со мной, сказал, что пригласил на интервью русского коллегу. В офисе появился Боря Ланда, кудрявый, улыбающийся, знакомый студент со старшего курса на психфаке, сын Марии Соломоновны Неймарк, у которой я на четвертом курсе писала курсовую работу. Оказалось, что он был автором заявки на грант, в которой говорилось о необходимости оказания психологической помощи новоприезжим русским. В этом проекте он уже и работал вместе с другим психологом – полькой, но она недавно перешла на другую работу.

Борис пригласил меня в свой кабинет после интервью и объяснил, что психотерапия дело нехитрое и волноваться не стоит. «Главное – не б(здеть)!»

Клиника

Клиника находилась в районе новых домов, неподалёку от Трамп-Виллидж, района дешевых кооперативов с магазинами и кафе, выстроенного отцом будущего американского президента. В самом здании бывшей кондитерской фабрики не было окон. Среди кабинетов психологов мистер Бономо, который приносил в клинику конфеты для секретарш, сохранил и свой кабинет, в котором он изредка встречался с таинственными гостями. В Кони-Айленд присутствие итальянской мафии было очевидным. Эти товарищи заседали в итальянском ресторане «Гарджулио» и в дайнере «Эль Греко» в соседнем районе Шипсхед Бей. В эти заведения мы иногда ходили с сотрудниками по праздникам или отметить чей-то день рождения.

Среди сотрудников была симпатичная кубинка Тереза и молодой резидент-психиатр Гриша из Баку. Тереза писала диссертацию по психологии, а Гриша в свободное от работы и учебы время исследовал нью-йоркский мир большого секса. Жгучий брюнет Гриша был разведен, встречался с юношами, после свиданий с которыми у него нередко пропадали деньги или часы, и пытался определиться в своих сексуальных предпочтениях. Быть просто геем в то время он был еще не готов.

Каждый день Борис с Гришей играли в шахматы в одном из кабинетов. Боря мне как-то сказал, делая легкую зарядку в своем кабинете, что весь цикл его жизни проходит в офисе. Иногда он сильно опаздывал на работу после того, как накануне резался в карты со своим приятелем, тоже из диссидентов, Валерой Челидзе. Пациенты уже ждали его в приемной, когда он появлялся в клинике в неглаженной рубашке и с лучезарной улыбкой на лице. Секретарши, которые его обожали, обычно покрывали его и извинялись перед пациентами сами. Остальные сотрудники были американцы, которые лечили туземцев.

Одна из американок, Женя, была из семьи русского происхождения, но по-русски уже не говорила.

Лучи хужи такжи

Одного из психиатров звали доктор Эдвард Кремен. Возможно, фамилия произошла от слова кремень, он, работая с нашими пациентами, даже пытался выучить несколько фраз на русском. Встречаясь с русскоязычной больной, которой я переводила, он задавал ей вопрос: «Миссис Борухова, как вы – лучше, хужи или такжи?»

Эта пациентка, иммигрантка из Азербайджана, была в глубокой депрессии после смерти мужа. Она вернулась в Нью-Йорк к сыну из Калифорнии, где у них с мужем был ресторан. Каждый раз на вопрос доктора, который пытался подобрать ей препараты, она неизменно отвечала: «Хуже».

После девятого визита, когда она снова ответила: «Хуже», доктор открыл дверь кабинета и воскликнул: «Миссис Борухова, пожалуйста, покиньте кабинет, я не в состоянии вам помочь!»

Я попыталась объяснить доктору, что на самом деле пациентке лучше, она живет и жизнерадостнее, и что ее слова связаны с культурными стереотипами. Она не может признаться себе или домашним, что ей лучше, потому что потеряет внимание и заботу сына и невестки. Доктор придумал для нее задание, которое должно было вернуть ей ощущение нужности и самооценку. Когда она описывала блюда, которые готовила в своем ресторанчике в Калифорнии, доктор попросил ее приносить ему что-нибудь на пробу, когда она будет приходить на визиты. Некоторое время мы все с удовольствием апробировали пловы с курагой и шпинатом по-бакински и другие амблимансы миссис Боруховой в нашей столовой, где за круглым столом сотрудники поедали свои нехитрые сэндвичи в ланч. К сожалению, миссис Борухова окончательно вылечилась от депрессии.

Эдипус-шмедипус

В клинике работали американские психологи и социальные работники, а осенью пришли интерны из Колумбийского университета – три парня и одна девушка в очках с толстыми стеклами. Среди сотрудников были Дэйвид Роджерс и Энн Смит. Оба американские евреи, хоть у Энн и была фамилия Смит и курносый носик, явно продукт пластической хирургии, потому что у остальных членов ее семьи, кудрявых брюнетов, на фотографиях были нормальные шнобели. В столовой, где мы ели ланч за круглым столом и болтали, Дэйвид, как и все молодые психологи, проходящие психоанализ, жаловался на свою мать. «Представляете, я встретил девушку, мы встречаемся, и я просто без ума от нее. Привел на обед к маме, а она после обеда мне говорит с кислым лицом, что у моей девушки осанка не очень, скажем прямо. Тут меня просто затрясло, осанка, видите ли, у нее не устраивает мою маму!»

По мере прохождения терапии молодые психотерапевты часто начинали также походить на Фрейда все больше – отращивали бороду, заводили трубку и твидовый пиджак.

Дэйвид пока что находился на стадии бороды.

Менструация

Клиника была на втором этаже: а под нею находился кар-сервис «Луна-парк» и дели – магазинчик деликатесов, куда мы заходили заказывать сэндвич. Как-то я зашла туда в перерыве между пациентами. В магазинчике громко играла музыка.

«Это кто же поет?» – спросила я хозяина Зяму.

«Шуфутинский! Как, ты не знаешь Шуфутинского?»

«Не знаю!»

«А ты что, на Брайтоне в ресторанах не гуляешь?»

«Не гуляю».

«А где же ты гуляешь?»

Продавщицы, которая обычно делала сэндвич, за прилавком не было уже минут пятнадцать. Простояв еще пять, я спросила Зяму, как же мне получить мой ланч.

«Она себя плохо чувствует. У нее болит голова!»

«Я понимаю, но у меня перерыв между пациентами, и я спешу».

«Так я скажу тебе правду – у нее менструация!»

Тут я уже взорвалась и сказала, что прихожу к ним купить свой сэндвич, и про свою менструацию на работе никому не рассказываю.

Вернувшись в клинику, я пожаловалась коллегам, которые «ланчевали» за круглым столом. Что тут на меня полилось! Они мне стали хором рассказывать, как их обсчитывают внизу и как они жалеют меня за то, что я работаю с русскими пациентами. Особенно с Соней Розенблюм, от которой за версту пахнет луком.

Киллер

Как-то в клинике раздался звонок. Звонили из тюрьмы и спрашивали, нет ли в клинике психолога, говорящего по-русски. Меня соединили с тюремным служащим.

«Доктор, у нас тут есть один русский заключенный. У него упадок сил и депрессия. Можете ли вы поговорить с ним?»

Трубку передали русскому.

Раздался хриплый голос: «Доктор, у меня страшная депрессия. Я тут совсем один. Дети меня не навещают».

«А что же вы сделали? Почему вы в тюрьме?»

«Доктор, я сделал хомисайд». Далее были слышны только рыдания.

Как оказалось, товарищ зарубил топором свою жену. На почве ревности.

И дети почему-то не хотели его навещать.

Русские

В клинике работал Эд, статный и красивый черный мужчина лет сорока, бывший джазовый музыкант и ветеран вьетнамской войны. Он был на все дела мастер – чинил, развозил на велосипеде почту и беспрестанно шутил со мной и говорил, что у меня кожа неправильного цвета, а то бы мне пришлось обороняться от него. У Эда была пара детей, таких же красивых зеленоглазых мулатов. И ему беспрестанно звонили женщины.

«Смотри, Эд, ведь какая-нибудь из них тебя застрелит!» – дразнила я его.

«Типун тебе на язык!» – отшучивался Эд.

Перед еврейской пасхой русским иммигрантам в округе еврейская благотворительная организация выдавала пособие на праздник – двадцать пять долларов.

Эда ставили сторожить входную дверь, чтоб ее не сломали толпы жителей Брайтона – среди них дородные дамы в норковых шапках и каракулевых шубах, привезенных из Одессы.

Мои американские коллеги дивились рвению.

Как-то среди просителей оказался древний американский еврей. Эд спросил его: «А вы тоже русский иммигрант?» Старичок с гордостью ответил: «Да, меня привезли в Америку ребенком, в тысяча девятьсот втором году!»

Мария Соломоновна

Когда Борис уехал в Канзас-Сити к жене, американке-психологу, которая родила второго ребенка, я уговорила его маму, Марию Соломоновну Неймарк, у которой училась и писала курсовую работу, прийти работать в нашу клинику. Мария Соломоновна, или Муся для семьи и друзей, была уже известным ученым, доктором наук, с книгами, переведенными на разные языки, но она согласилась. Она была известна своими фрейдистскими работами по мотивации школьников, где доказывала наличие разной, часто создающей внутренний конфликт, мотивации на сознательном и бессознательном уровнях, когда детям предлагали получать очки в соревнованиях за коллектив или индивидуально. Еще она создала термин «аффект неадекватности» – состояние, когда уровень притязаний человека не совпадает с уровнем его достижений.

Надо сказать, что после пяти лет в Америке английский Мусе не очень давался. Ее муж, Лев Наумович Ланда, тоже известный ученый, занимался психологией обучения, в том числе и языкам, и стал международным консультантом с собственной фирмой. Он ей без конца говорил, что язык она изучает неправильно, он у нее не продвигался.

С Марией Соломоновной, которую в клинике звали просто Марией, мы очень подружились за восемь лет совместной работы. Поскольку моя мама тяжело болела, и я уже со студенческих лет занималась ее лечением, делиться с ней своими невзгодами я никогда не могла, страшно боялась ее расстроить. А Муся стала очень важным для меня старшим другом, проницательным и мудрым.

Культурные особенности

После отъезда Бориса мне достались его пациенты и более ста папок практически без записей. Директор клиники Кен ворчал и говорил, что вместо штата Миссури Бориса нужно было бы заслать в Сибирь за такую документацию.

В те годы в клинику иногда приходили русские иммигранты в поисках ортопеда, зубного техника, некоторых посылали к нам их врачи-терапевты, не обнаружив у них соматических проблем. Детей направляли школы. В отличие от советской системы, где родитель мог прийти в школу и попросить ее, или пионерскую, или комсомольскую организацию повлиять на ребенка, в Америке школа посылала родителей с проблемным ребенком к психологу. Американцы давали русским родителям понять, что воспитание – это функция семьи, а не школы.

Родителей это часто приводило в недоумение. Более того, телесные наказания были у нас в Америке запрещены, и ребенок в синяках или царапинах мог пожаловаться учителю, который звонил в организацию по защите детей, и оттуда посылали социального работника навестить семью на дому. Русских родителей это страшно возмущало – они говорили, что их тоже в детстве наказывали, и только к лучшему, и что Америка воспитывает Павликов Морозовых.

Многие нам говорили, что сами они психологи, например, проходили курс такой в пединституте. И вообще, мы частенько слышали фразу: «В психологию я не верю!»

Мария Соломоновна на это отвечала: «Ну и не верьте! Это не религия, лучше расскажите, зачем пришли». Среди мужчин нередко попадались пациенты такого типа, которых знакомый психиатр Валерий Сагаловский называл «Главный специалист по всем вопросам».

Брайтон-Бич

Клиника находилась в южном Бруклине, буквально минутах в пятнадцати ходьбы от знаменитого Брайтона, который американцы прозвали Маленькой Одессой. Авеню Брайтон-Бич располагалась под линией метро, которая проходила над улицей. Она была застроена красными кирпичными домами, в которых после войны жили американские евреи, потом они разъехались кто куда, и до приезда иммигрантов из СССР, в основном одесситов, Брайтон был в относительном запустении. Кроме пары старых заведений – лавочек, где продавали кныши, польские картофельные пирожки с разнообразной начинкой, и кошерного молочного кафе, ничего не было. А на набережной, которая простиралась дальше в Кони-Айленд, был увеселительный парк с аттракционами, аквариум и продавали знаменитые кошерные хот-доги фирмы Нейтанс. На противоположной стороне улицы были развалы – там продавалось все – мебель, лампы, картины.

После приезда русских Брайтон ожил. Открылся книжный магазин «Черное море», несколько ресторанов – «Кавказ» и «Приморский», и ночной клуб «Националь».

Надо сказать, что, несмотря на тяжелые первые годы иммиграции, народ, приехавший из серого совка, спешил приодеться. Наряды посетителей ночного клуба были неопишуты – черное платье с золотой парчовой лентой через плечо, как на портретах вельмож, блёстки и стразы, на одной девушке под белой водолазкой был фосфоресцирующий бюстгальтер. Двухлетние дети бегали в маленьких сюртучках и фраках. В общем, народ наконец-то построил светлое будущее в духе Феллини. Дольче вита!

В ночном клубе пели близнецы – хорошенькие молодые женщины в кудряшках, а в перерывах публика танцевала под «Стюардесса по имени Жанна, обожаема ты и желанна...»

Посетители заказывали музыкантам песни в честь именинников: «Нателла и Борис поздравляют Резо с первой годовщиной рождения и дарят родителям их любимую песню “Тбилисо”». Или: «Сейчас Олег вручит Карине обручальный ингейджмент ринг! Ура!»

Мы иногда ходили с нашими американскими коллегами на Брайтон отметить чей-то день рождения. Как-то мы с новой сотрудницей испанкой зашли в ресторан «Кавказ» в будний день, в два часа дня. Там было пусто – только за одни столом сидели участницы еврейской женской организации Хадасса. Они тоже что-то отмечали, и на подиуме для них исполнял «Майн идише маме» певец. Мы с Терезой сели за маленький столик. Бойкая официантка нам заявила, что у них минимальный заказ – на двадцать долларов.

В те времена можно было съесть ланч в кафе за пять, а в пиццерии кусок пиццы и кока-колы стоили в общей сложности два семьдесят пять.

«Почему двадцать? – спросила я. – Разве к вам очередь ломится?»

«Ну, десять», – сказала официантка и принесла нам лобио и сациви.

Американские пациенты

Через несколько месяцев работы в клинике директор Кен Поллак сказал мне, что он впечатлен моими диагностическими способностями и собирается направить ко мне американских пациентов. Я запротестовала, ссылаясь на недостаточно свободный для психотерапевта английский, ну, и акцент. Кен сказал мне, что эта проблема «у меня в голове» и предложил мне сходить к своему шринку, если я нервничаю.

Моей первой пациенткой оказалась миловидная брюнетка Злата Эль-Кардауи. Она, как и многие пациенты с пограничным расстройством личности, входила в кабинет с

бумажным стаканчиком кофе в дрожащей руке, невроз исходил от нее, как аромат ядовитого цветка.

Мать Златы, родом с Западной Украины, потерявшая родителей во время войны, каким-то образом выжила и попала в Америку юной девушкой. Школы она не закончила, но в Америке работала на фабрике, вышла замуж и родила Злату. Эта малограмотная женщина из религиозной семьи осталась вдовой, и Злата с юности воевала со своей тревожной и контролирующей мамой, которая еще помнила русский и говорила по-английски с тяжелым акцентом.

Мужем Златы был египтянин Мустафа, которого она встретила в какой-то дискотеке.

Мама чуть не покончила с собой, когда ее Златка решила выйти замуж за араба. Мустафа после брака предложил Злате сделать женское «обрезание» – резекцию клитора, как у всех женщин в его семье из северного Египта. Услышав анамнез этой новой пациентки, я подумала, что перенос по Фрейду в этом случае будет отличный.

И сказала новой пациентке: «Вы наверняка думаете, как же вам не повезло – не хватает вам сложностей с вашей “русской” мамой и мужем из Египта, так и в клинике вас направили к русскому психологу».

Мафия

В те годы присутствие итальянской мафии в Нью-Йорке еще было вполне заметным. Она прочно засела в строительном и санитарном профсоюзах, в итальянских ресторанах сидели типажи как из сериала про мафию «Сопрано». Сотрудники клиники захаживали в ресторан «Гарджулиос» в Кони-Айленд по пятницам. Как-то один из этих широкоплечих итальянцев в двубортном костюме, увидев меня, сказал: «Вы похожи на молодую Элизабет Тейлор...» – и икнул.

Одна из моих пациенток, болезненно толстая молодая женщина Джинни, рассказала мне, что ее отец был личным шофером Крестного отца, главы одного из мафиозных кланов. По ее рассказам, она была жертвой сексуальных домогательств папаши и на нервной почве объедалась сладостями, успокаивая себя. В то время Джинни уже весила около трехсот фунтов, но пользовалась успехом у мужчин, посещавших клуб общества «Fat Beautiful American Woman». Как правило, эти мужчины были черные, арабы или индусы.

Еще один пациент, совершенно параноидный молодой человек, считал, что его преследует мафия, после того как он по просьбе какого-то мафиозо передал небольшой сверток другому, в типичном американском дайнере под названием «Эль-Греко» в районе Шипсхед Бей. Произошло это лет пятнадцать назад, но Денни Коллавицио продолжал скрываться в полной уверенности, что за ним следят, и его пожилые родители тоже были вовлечены в эту бредовую идею. Это был уже не folie a deux, а folie a trois.

Хороший мальчик

Как-то в клинику направили родителей пятнадцатилетнего подростка, который был пойман полицией с друзьями, когда они выламывали радио из чужого автомобиля. В те времена их часто крали. Родители мальчика пришли вместе с ним. Женя, который в Америке стал Юджином, сидел в приемной рядом со своей девушкой. Родители прошли в мой кабинет и уселись. И мама, и папа получали пособие по безработице, но как-то не были похожи на безработных. На папе был кожаный пиджак и ковбойские сапоги, на маме

римские сандалии на шнуровке, как у гладиаторов, и шелковая кофта, расшитая люрексом.

«Я понимаю, что вы на пособии, но чем вы занимаетесь на самом деле?» – спросила я у родителей. Папа ответил, что у него медальон², и он водит лимузин, у мамы оказался свой косметический салон. Оба родителя были в недоумении от происшедшего и объясняли мне, что произошло недоразумение.

«Юджин, – говорили они хором, – очень хороший мальчик. Он учится и после школы подрабатывает у отца на бензоколонке».

Родители даже подарили ребенку, у которого еще не было водительских прав, на предстоящее шестнадцатилетие папин старый автомобиль.

«Так проблем у него никаких нет? – спросила еще раз я, – вы всем довольны?»

«Ну, – сказала, мама, – мне не очень нравится его девушка, я бы не хотела, чтобы он на ней женился!»

«Да что вы волнуетесь, – ответила я, – они же еще дети, им по пятнадцать лет!»

После беседы с родителями я пригласила Юджина одного, без девушки. Стала расспрашивать его про то, как он проводит время. Женя рассказал, что ходит в школу, хотя иногда прогуливает, учится весьма посредственно, потом подрабатывает на бензоколонке.

«А что ты любишь делать в свободное время, какие у тебя хобби?»

«Я люблю гулять в русских ресторанах».

«А как часто ты это делаешь?»

«Каждый вечер после работы».

«А когда ты домой попадаешь?»

«Как придется, часа в три ночи, иногда в пять».

«Вопросов больше нет», – сказала я.

Эдипов комплекс

Ко мне на терапию пришел новый пациент, восемнадцатилетний парень, иммигрант из Москвы, который страдал приступами паники и был в депрессии после недавней смерти отца. Отец был инженером, мама преподавала русскую литературу до иммиграции. У Сережи был еще старший брат, который учился в колледже и подрабатывал там сторожем.

Сережа, стройный и сероглазый, был хорош собой, и наши секретарши строили ему глазки.

А брат Петя был похож на маму – широкоплечий и полный. Мать тоже очень переживала потерю. Она стала очень тревожной, и когда сыновья отправлялись погулять с друзьями или на свидание, у нее поднималось давление, и они часто возвращались домой, чтобы не расстраивать маму. А к младшему сыну Сереже она даже заходила в спальню по ночам в своей прозрачной ночнушке, проверить, все ли в порядке с ребенком. У Сережи, несмотря на успех у девушек, отношения с ними не клеились. Одна девушка ему вроде бы нравилась, но, когда отношения стали более интимными, он заметил у нее прыщи на спине, и как-то охладел. С другой тоже интимные отношения не получались. Сереже нравилась Оля, но Оля уже была обручена с другим и собиралась замуж.

---

² В Америке медальон на лимузин означал, что водителю принадлежит его машина; в русских газетах были объявления – продаю лимузин с медальоном, продаю медальон на лимузин (*Прим. автора*).

Как-то Сережа обнаружил в доме фотографии мамы, до пояса обнаженной, сделанные когда-то отцом. И он привык мастурбировать, разглядывая эти фотографии, что в конце концов и привело его в терапию.

После встречи с мамой я постучала в кабинет Марии Соломоновны и рассказала ей историю этой семьи. Решили направить Надежду Петровну на лечение к Марии Соломоновне, чтобы несколько переставить акценты в семействе, где братья никак не могли отделиться от мамы.

Мария Соломоновна побеседовала с Надеждой о ее жизни, браке, иммиграции, постигшем ее горе и о сыновьях.

«Надежда, вы еще молоды и вполне привлекательны, хватит вам горевать, пора бы вам и подумать, как устроить собственную жизнь, – сказала ей Мария Соломоновна. – Вы слишком зафиксированы на сыновьях, особенно на Сереже».

И она рассказала ей про Эдипов комплекс.

Надежда выслушала ее и ответила дрожащим голосом:

«Я интеллигентный человек, Мария Соломоновна, как-никак преподаватель русской литературы, и про Эдипов комплекс я всё понимаю, но поверьте, в нашей семье такого никогда не было!»

Замужняя женщина

Как-то позвонили в клинику, попросили навестить семью из Одессы, у них произошла невероятная история. Тринадцатилетнюю девочку выдали замуж за девятнадцатилетнего наркомана. Какой-то раввин вроде бы обвенчал их, но не поставил своей подписи под брачным свидетельством. Зато сыграли свадьбу в одном из русских ресторанов на Брайтоне. Через некоторое время кто-то сообщил в службу по защите детей, что шестилетний брат Риммы стал жертвой сексуального насилия – ее так называемый муж вовлек ребенка в сексуальные игры втроем с Риммой. Шестилетнего Толю отправили к матери, и обязали родителей отвести ребенка на лечение к детскому психологу.

Мать Риммы жила в прожекте, доме для неимущих. Нечесаная, в халате и с сигаретой, свисающей из уголка рта, она мне рассказала, что отец ее детей окончательно спился и никакого участия в судьбе семьи не принимает. Семейство живет на пособие по безработице, и Римму она отдала замуж, потому что выживать семейству было трудно.

Меня вызвали в качестве свидетеля-эксперта в семейный суд в Бруклине. В случаях, когда родители не справлялись с несовершеннолетними детьми, суд по просьбе родителей брал на себя роль опекуна ребенка.

Когда я пришла в суд, Альбина, мать Риммы и Толика уже сидела в зале ожидания. Рядом с ней сидела пара – молодой нагловатый парень и с ним несколько потертая девушка с ярким макияжем, лет под тридцать. Оказалось, что эта молодая женщина и есть Римма.

Суд решил направить Римму в интернат – резиденцию для трудных подростков в Вестчестере, где с ними работают психологи, и также они посещают школу. Эта школа входила в сеть терапевтических школ и клиник моего же агентства.

Через четыре месяца меня снова вызвали в суд в роли эксперта. Против мужа-наркомана было заведено уголовное дело. С Толиком работал детский психолог. Римму, которая, по словам судьи, неплохо училась и завела себе друзей, привезли в суд сотрудники терапевтической школы-интерната. Я не сразу узнала ее, вместо молодой ярко накрашенной женщины передо мной стояла девочка-подросток с волосами, перехваченными резинками с пластмассовыми божьими коровками, в два хвостика, в

майке и джинсах. Напряженность сошла с ее лица, Римма легко бы затерялась в толпе школьников, галдящих по дороге в школу.

Агорафобия

Моя пациентка, немолодая американская еврейка Джуди, с кислым выражением лица, не выходила из дому одна уже семнадцать лет. Приступы паники и боязнь покинуть дом без сопровождающего появились после смерти ее матери, с которой у нее были тяжелые отношения. У Джуди была взрослая замужняя дочь и внуки, которые жили в Квинсе. Муж Джуди Роберт работал в финансовом отделе банка и занимался налогами. У Джуди была хроническая депрессия, днём она убирала квартиру, готовила и смотрела телевизор, а выходила из дому, только когда возвращался домой муж. Он возил ее по магазинам и по врачам.

Антидепрессанты и психотерапия не очень помогли Джуди. Она чувствовала себя одинокой, покинутой невнимательными членами семьи. Дочь недостаточно часто ее посещала, подруги звонили редко, и Джуди в последнее время стала злоупотреблять сладким и полнеть. Муж на семейной сессии полушутя сравнил Джуди с еврейской мамой из анекдота – она дарит сыну два галстука, красный и синий. Сын приходит к маме на день рождения в синем галстуке. Мама обиженным тоном говорит: «Сынок, так я и знала, тебе не понравился красный!»

Через несколько недель Джуди угодила в больницу из-за осложнений, вызванных ее диабетом. Пришлось ампутировать большой палец на правой ноге. Я решила навестить Джуди в больнице. Как ни странно, она была в гораздо лучшем настроении, чем обычно.

На столике рядом с ее кроватью стоял букет розовых гвоздик и лежала пачка открыток с выражениями сочувствия от друзей. Джуди с улыбкой сказала мне, что и дочь, и подруги навещают ее почти каждый день, Роберт приезжает каждый вечер, и что она уже не помнит, когда она получала столько внимания.

«Ф» трейн

Голос Уиллиса Конновера, который вел джазовую передачу по Голосу Америки, был хорошо знаком московским любителям джаза. Передача всегда начиналась с энергичной мелодии Дюка Эллингтона «Take the A Train». Я ездила на работу в Бруклин с двумя пересадками из Астории, района Квинса, через Манхеттен, где я на 34-й улице садилась на экспресс-линию Ф, а потом, уже в Бруклине, часто пересаживалась на остановке Кингс-Хайвэй на другой поезд до авеню Нептуна. В конце 80-х в Нью-Йорке была эпидемия крэка, дешевой и очень токсичной версии неочищенного кокаина, в городе поднялась волна ограблений, пачками умирали от наркотика подростки из нищих районов. По поездкам бегали и прыгали, орали, кружились вокруг металлических столбов в вагонах метро черные и «латинос» подростки с расширенными зрачками. По утрам, когда народ ехал из окружающих районов на работу в Манхеттен, я ехала в противоположном направлении, и после остановки Кинг-Хайвэй в вагоне оставались всего лишь несколько пассажиров. Часто, когда я отрывалась от своей газеты «Нью-Йорк Таймс» и поднимала глаза, чтобы не пропустить свою остановку, я застывала при виде мастурбирующего пассажира, сидящего напротив или стоящего у дверей. Попадались мужчины всех рас и национальностей, включая даже одного хасида в лапсердаке. Как-то весной, когда я спускалась по лестнице с открытой остановки поезда на остановке Авеню Нептуна, на меня сзади набросился черный парень, и я упала на землю. Слева от дороги под мостом был заросший лопухами пустырь, справа автомобильная стоянка. Дорога вела к улице, на

пересечении виднелся ресторанчик Макдональд. На этой дороге я и лежала, в то время как напавший на меня схватил меня за шею и, порыскав, стал душить. На мне была тоненькая цепочка, и через плечо был зонтик, привезенный из Италии, на ремне. Я пыталась кричать, но из моего горла не раздавалось ничего, кроме сдавленных звуков. В какой-то момент напавший вдруг отпустил меня и с ремнем от моего зонтика через плечо ушел петляющей походкой.

Я думаю, его спугнул прохожий. Не помню, как я добралась до клиники, которая была всего в трех кварталах, но когда я вошла туда, бледная, в разорванной блузке и с растрепанными волосами, я обнаружила, что все десять ногтей на моих пальцах сломаны, и из пальцев сочится кровь. Видимо, я с такой силой отрывала руки грабителя от своего горла.

Я так и не поняла, чего хотел напавший, он ведь не взял ничего, кроме ремня от зонтика. Потом я прочитала в газете, что в районе Кони-Айленд какой-то преступник за последние недели задушил нескольких проституток. Директор клиники пошел со мной в отделение полиции, которое было в конце Вест 8-й улицы, в квартале от клиники. Там мне показали два толстых гроссбуха с фотографиями преступников и спросили, нет ли среди них напавшего. На фотографиях были черные или испаноговорящие ребята от семнадцати до двадцати, в кепках, с афро, с бритой головой или косичками, в кожаных куртках или майках, и все они были на одно лицо. Единственный человек, которому я рассказала, что произошло, был мой бойфренд Робин, американский адвокат. Я поехала к нему, напилась чаю и вырубилась на диване, с головой на его коленях, пока он по телику смотрел «Касабланку». Рассказать про это дома мне было некому – я не хотела расстраивать больную маму и тем более пугать родителей и девятилетнего сына своим растерзанным видом.

Кевин

У нас лечились дети из многочисленных прожектов, домов для неимущих в Кони-Айленд. Эти черные и испанские подростки дрались в школе, не слушались учителей, плохо учились, иногда это были молчаливые и упрямые депрессивные дети, которые за сессию произносили несколько слов. Мать одного из них, у которой было четверо детей от разных мужчин, на вопрос, кормила ли она Джереми грудью, ответила, что не кормила. На вопрос почему, она ответила: «Как-то мне это не понравилось...»

С ее двенадцатилетним сыном Кевином я играла в шашки, пытаюсь его разговорить, но Кевин мог угрюмо молчать все сорок пять минут, не говоря ни слова. И я про себя думала: «Бедный ты бедный, Кевин, ну, какой же у тебя шанс на нормальную жизнь? Вот дадут тебе в твоем же прожекте в руку пакетик ребята постарше, чтоб ты его доставил по адресу за десятку, а потом еще раз, вот ты к восемнадцати годам и попадешь в такой же гроссбук с фотографиями в каком-нибудь полицейском участке. Разве визит к психологу на сорокапятиминутную сессию может противостоять твоему окружению?»

Я несу ответственность за революцию

В клинику пришла молодая женщина из Брянска. Она жаловалась на то, что у нее периодически отнимались ноги. И тогда она не могла ходить. Чувствовала слабость во всем теле и туман в голове. Ольга ходила к нескольким врачам, и те не могли поставить ей какой-либо диагноз, поэтому послали к нам. Отец Ольги был еврей, а мать русская. Оля закончила пищевой институт, но по специальности не работала. Устроилась продавщицей в букинистический магазин и нашла себе компанию из отъезжантов. Оля мне объяснила,

что кто-то из друзей ее рассказал, что евреи сильно способствовали победе Октябрьской революции в России, и Оля почувствовала страшную вину перед Россией за своих если не предков, то просто евреев, которые погубили Россию. От переживаний у нее начались перебои в сердце и стали отниматься ноги. На заседании клиники, где мы обсуждали с директором и психиатром новых больных, коллеги просто ахнули, когда я читала анамнез Ольги. Мы тут про женщин с истерией, внезапным параличом и всевозможными соматическими симптомами читали только в работах Фрейда. Там пациентки, страдающие истерией, то кашляли по полгода, то их разбивал паралич на пустом месте. А у вас, оказывается, такие пациенты еще есть!

Конечно, ответила я, ведь Россия, где психоанализ был запрещен тридцать лет как псевдонаука, это до-фрейдистское общество.

Лет на десять позже, когда я работала директором клиники в Рего-Парке, где среди семисот пациент половина была из Средней Азии, большая часть пациенток среднего возраста жаловалась на боли в сердце, печени, почках, голове и желчном пузыре. Все они страдали депрессией и тревожными расстройствами, но психическое заболевание стигматизировалось в бухарской общине. А если заболевание было соматическим, то оно давало пациентке возможность получить больше внимания и заботы от детей и меньше приставаний и критики со стороны мужа или свекрови.

Домашний визит

Как-то в клинику позвонили из еврейского центра и попросили психотерапевта посетить на дому молодую женщину, иммигрантку из России, больную раком груди. Кен попросил меня пойти к ней. Квартира была на третьем этаже, дверь открыла мама, женщина средних лет с тревогой на лице. Ее дочь Лида лежала на тахте в гостиной, стены которой были покрашены в нездоровый желтый цвет, я села на стул рядом с ней. У Лиды, бледной женщины лет тридцати пяти, был рак с метастазами, под тонким одеялом выступал как бы небольшой горб, только он был у нее на груди. Мне стало страшно – в комнате рядом с бабушкой стоял маленький кудрявый мальчик лет трех-четырех. Я сама приехала в Америку разведенной женщиной с ребенком и больной мамой и отцом, отлученным от любимой работы. И мысль о том, что будет с моим ребенком, если что-то случится со мной, меня нередко в те годы посещала.

Я спросила у Лиды, чем могу ей помочь. Лида ответила, что помощь психолога ей не нужна, она лечится от рака гомеопатическими средствами и надеется победить болезнь. Депрессии как таковой у нее нет, единственное, что ее выводит из себя, это грязные окна. Она лежит целый день и не может не видеть их. И действительно, окна в квартире были грязные.

Я вернулась в клинику и рассказала директору про визит. И сказала: «Кен, неужели мы не можем найти способ помочь Лиде?» Он вздохнул и сказал мне: «К сожалению, на это у нас нет фондов...»

Через несколько лет меня спросила сотрудница еврейского агентства, не помню ли я бедную Лиду. Она умерла через несколько недель после моего визита, через полтора года от инсульта умерла ее мать. Пятилетнего сына взяли на время приемные родители из ортодоксальной общины. Усыновлять ребенка они не стали, что-то там не сработало. Потом ребенка взяла еще одна ортодоксальная семья. И там тоже вроде бы он не прижился. На этом история заканчивается.

Групповая терапия

В клинике меня попросили заняться групповой терапией. Я начала проводить группы в двух бруклинских школах, где учились «русские» подростки. Дело в том, что в Америке всех иммигрантов из совка называли русскими, будь они евреями из Одессы или Средней Азии, украинцами или армянами. Я ходила на семинары по усовершенствованию для специалистов в агентстве, в том числе и по групповой терапии. К сожалению, мало что из того, что я узнавала про классику групповой терапии и чему училась у своих старших коллег, работало с русскими. Поскольку законы классической групповой терапии – конфиденциальность, которую сохраняют и участники, запрет на социальное общение вне группы во время терапии и т.д. – плохо работали с русскими, то я пробовала консультироваться с пятью разными специалистами. Все они выслушивали мои истории и качали головой, пока последняя, толковая женщина средних лет, не сказала мне: «Вы все делаете правильно, вы же специалист по этой культуре». И тут меня осенило, что методы работы с нашими пациентами придется создавать заново. Свою первую статью о психотерапии с иммигрантами из СССР, вернее главу в книге «Групповая психотерапия», я написала по приглашению моего профессора Дэвида Халперна, совместно с моей коллегой Леной Мандель, которая была интерном в нашей клинике, где мы и подружались. Она тоже вела группу пожилых иммигрантов в другой клинике агентства, в районе Манхэттена – Вашингтон-Хайтс. Все члены группы лечились у Лены индивидуально и жаловались на депрессию, одиночество, на то, что их дети тяжело работали, а внуки быстро американизировались, забывали русский и предпочитали бабушкиным котлетам пиццу и гамбургеры. Пациентки скучали по старым друзьям, московской консерватории или одесской набережной, или по оставленной на родине работе по профессии. Однако в группе все эти дамы переставали жаловаться и, наоборот, хвастались успехами сына, закончившего резидентуру и ставшего врачом в Америке, детьми, которые купили дом в Нью-Джерси и т.д. После групповой терапии некоторые подходили к Лене и говорили ей, что их проблемы, конечно же, меркнут по сравнению с проблемами остальных членов группы. Одним словом, Номо soveticus всегда рассматривает групповую деятельность как принудительную, вроде профсоюзных собраний, и участвует в ней только из уважения к своему терапевту, а выносить сор из избы у нас не было принято.

Поэтому же попытки начать группы АА или НА с русскими алкоголиками и наркоманами в Америке в те годы тоже было очень трудно.

Мои русские подростки в школах часто общались с другими иммигрантами – например, с Карибских островов. Им было очень важно найти для себя кампанию сверстников, некоторые находили ее для себя в этнической группе, которая доминировала в этом районе Бруклина. Один русский мальчик общался только с итальянцами. Он одевался как они, слушал ту же музыку и т.д. Из общения с русскими подростками было очевидно, что у русских родителей в иммиграции чаще всего встречаются две модели воспитания, те родители, которые боятся раннего секса и наркотиков, пытаются полностью защитить своих детей от дурных влияний, не отпуская их от себя. Один из подростков рассказывает на группе: «С утра мама звонит и говорит: “Не забудь взять с собой бутербродик, переходи дорогу методично”, через полчаса папа звонит: “Ты не кури там, я нашел сигареты у тебя в кармане”, потом бабушка: “Не забудь выключить плиту, если будешь чай пить. Чтобы к пяти дома был, нечего гулять со всякими”». Другие тоже адаптировались с трудом, но иначе, как та мама, которая оставила любимого сына в России, а ее семнадцатилетняя дочь училась, потом работала до одиннадцати вечера в скобяной лавке, встречалась с взрослым мужчиной и занималась лечением беспомощной

матери, тосковавшей по оставленному сыну. Мама с дочерью полностью обменялись ролями. Девочка стала главой семьи.

Написанная в 80-е глава о групповой терапии с нашими соотечественниками в Америке получилась рассказом о том, почему она с советскими иммигрантами не работает.

Доктор Лейкин

Поскольку ездить из Квинса в Кони-Айленд было тяжело, и мой рабочий день, если включить в него поездки на работу и домой (3,5-4 часа в день) плюс вечерние занятия в универе, начинался где-то в семь утра и заканчивался в одиннадцать вечера, по крайней мере, три-четыре дня в неделю, то я подумывала о другой работе.

Меня пригласил работать доктор Лейкин, лысоватый мужчина небольшого роста, у которого в его российской практике было много балерин из Мариинского. Я пришла к нему в офис, где он мне рассказал, как занимается сексуальной терапией с пациентками, выписывая для них вибраторы и, кажется, инструктируя, как их применять. Провожая меня до двери, он воскликнул: «Анна, какой у вас body language!»

Я вежливо отклонила его предложение сотрудничать и пообедать, сославшись на занятость. Потом Юра Штейн, работавший социальным работником в госпитале Маймонидес в Бруклине, где проходил резидентуру доктор Лейкин, рассказал мне, что из резидентуры Лейкина выгнали, после того как он стал лечить старую шизофреничку, которая жаловалась на бессонницу, якобы старым русским методом, прописывая ей на ночь надевать носки, намоченные в горячей воде.

А доктор Сагаловский, к которому я поехала на интервью в госпиталь для ветеранов в Вестчестере, впоследствии рассказал мне, как Лейкин как-то ночевал у него в его викторианском трехэтажном доме, и Валерий застал его ползущим на четвереньках по лестнице вверх. Когда он удивился увиденному, Лейкин схватился за поясницу, крикнул и промычал: «Что-то спина разболелась!» Сагаловский был уверен, что у Лейкина просто фобия, страх высоты.

Отец русского алкоголизма

Сам Валерий Сагаловский был крупнейшим специалистом по алкоголизму в России. Он решил эмигрировать в те годы, когда в совке ввели драконовские меры, вымогая у отъезжающих в Израиль огромные деньги за образование, которое в Советском Союзе было бесплатным. Тогда Валерий принял предложение писать кандидатские диссертации для грузинских заказчиков и заработал столько, сколько было нужно на отъезд. В госпитале для ветеранов он заведовал отделением наркологии, лечил алкоголиков и наркоманов. После интервью, во время которого он предложил мне работу психотерапевта, Валерий пригласил меня к себе в гости. В просторной гостиной на столике стоял портрет Рейгана с автографом и висели картины. Сагаловский, семья которого пострадала от сталинских репрессий, вырос без отца. Он был женат на простой русской женщине, Наде, когда-то работавшей прорабом на стройке, которая заботилась о нем, как о ребенке, завязывала на его шее шарфик и следила за его питанием. Детей у них не было, и Валерий сказал мне, что испытывает вину за это, как-то послав Надю на аборт, который, видимо, стал причиной ее бесплодия.

За обедом, на который были приглашены их русские соседи, Надя задала вопрос: «Валера, как ты думаешь, Фрейд был гений?»

На что Сагаловский рявкнул: «Глупость твоя беспредельна, Надежда!» Мне захотелось побыстрее вернуться домой, где меня ждал маленький Сашка.

На станции поезда, куда меня Валерий подвез на своем автомобиле, он вдруг сказал мне: «Я бы хотел предложить вам стать суррогатной матерью моего ребенка. Вы знаете, я никогда не умел ухаживать за образованными женщинами. Умел только спать с простыми бабами. А как сказать умной еврейской девушке: “Снимай штаны!”».

«Валерий, – ответила я, – думаю, что если решусь родить еще одного ребенка, то буду воспитывать его сама!»

Сагаловский периодически звонил мне и говорил что-нибудь вроде:

«Продается дом, где сто комнат. Может, купить?»

«Валерий, ну зачем вам сто комнат?»

«Там можно будет поселить всю русскую иммиграцию. А серьезно? Чтоб спрашивали: “А зачем вам дом в сто комнат?” и завидовали».

Как-то я привела к Валерию на консультацию знакомого профессора-слависта, замечательного поэта. Поэт пил и страдал от приступов меланхолии. Поговорив с ним, Сагаловский сказал поэту, что он не алкоголик, а бытовой пьяница.

Поэт спросил: «А что же тогда мне делать?»

«Пейте как пили, пока здоровье позволяет».

Мы подружились, и я стала иногда приезжать к Сагаловским в гости с Сашкой. Мы ходили в лес, собирали грибы, с Надей обсуждали выходки наших котов.

Через некоторое время мой десятилетний сын рассказал мне, что Валерий во время прогулки сказал ему, что хочет его усыновить.

На этом наша дружба закончилась.

Знак доллара

К сожалению, в Америке пришлось столкнуться и с феноменом оборзения новоиспеченных американских врачей из совка. Американскую систему здравоохранения оказалось не так уж трудно доить, посылая счета за приемы больных, которых не было, доить страховки, покрывающие лечение жертв автомобильных аварий и т.д. и т.п.

В клинике появлялись пациенты, которые уже успели пострадать от самодовольных бизнесменов, которые брались лечить все что угодно, нанимая в свои клиники каких-то новоприезжих специалистов без лицензии. К Марии Соломоновне пришла несчастная пациентка, потерявшая дочь. Девочке было шестнадцать лет, она страдала от несчастной любви, перестала заниматься, страдала бессонницей и похудела вдвое, девочку стала лечить женщина-психолог, не получившая образования в Америке, сама всего лишь год в стране. Матери она сказала, что у девочки нет серьезной депрессии, поглядите, она же ногти красит! Нужно просто быть с ней построже, пусть она возьмет себя в руки. Девочка вскоре покончила с собой, прыгнув под поезд. Я случайно узнала, что лечила ее женщина, которая училась на моем же факультете МГУ, на курс старше. У нее самой еще в университете был нервный срыв, якобы делирий, после поездки в Среднюю Азию. Думаю, что скорее всего это был психотический эпизод. Врачу, исцелился сам!

Вскоре в клинике появилась еще одна бывшая пациентка этой женщины, которая без лицензии занималась психотерапией в офисе психиатра, впоследствии очень разбогатевшего. У этой женщины сын, восьмилетний мальчик сильно заикался, боялся воды и отказывался принимать душ один. Психолог посоветовала наказывать мальчика физически, потому что он был просто избалован. После физических наказаний ребенок стал заикаться еще хуже, и мама пришла за помощью в нашу клинику.

К счастью, через несколько лет я познакомилась и подружилась и с другими, великолепными специалистами из наших иммигрантов.

Организация русскоязычных специалистов в области душевного здоровья

Через пару лет в клинике меня и Марию Соломоновну пригласил на встречу с другими психологами и психиатрами Юра Штейн, психотерапевт в госпитале Маймонидес. Там лечилась русская пациентка, маниакально-депрессивная, которая погибла от передозировки лития. Произошло это, потому что кроме Юры в отделении не было никого, кто говорил по-русски, и в день, когда он был выходной, ей стало плохо, но объяснить с ней никто не смог. Поэтому Юре пришла в голову идея создания объединения специалистов в области психиатрии, говорящих по-русски.

На встрече был психоаналитик Эдгар Гольдштейн, психиатр Леонид Штерн, профессор психиатрии в Нью-Йоркском университете Элла, пожилая женщина, которая в юности лечилась у лучшего в Вильнюсе дантиста, папиного дяди Арона. Мы пили вино и говорили о нашем опыте с русскими пациентами. Штерн, опять же, был родом из Белоруссии, но переехал в Вильнюс, где на медицинском факультете университета преподавал многие годы мой отец. Small world, как говорят американцы.

Эдгар Гольдштейн, Гарик, был психиатром из Питера, он был женат на Жене Адливанкиной, которая жила по соседству со мной, и у них была дочь, которая училась в Италии. Они уже успели разойтись, и Гарик, который учился в психоаналитическом институте имени Карен Хорней, написал несколько отличных статей про адаптацию Homo soveticus в Америке, про собственную адаптацию и работу с американскими и русскими пациентами. Он верно подметил такие черты русского иммигранта, как амбивалентность по отношению к любым властям и казенным институтам, как, например, нелюбовь к советской власти сочеталась с ожиданиями заботы. Советский человек привык к бесплатному образованию и медицине, а также к системе блата и взяток, то есть манипуляций.

Как-то мы с Гришей, резидентом-психиатром из нашей клиники, пошли на день рождения к Гарику. Там были бывшая жена Гарика Женя, дочь, мужчина, с которым он несколько уже лет жил вместе, его герлфренд, француженка-психиатр, и Гарик также приударял за Гришей. В Нью-Йорке тогда еще не кончилась эпоха «sex and drugs and rock-n-roll», было полно баров для одиноких искателей приключений, парти свингеров, секс-клубы и бани, известные тем, что там больше занимались сексом, чем парились и мылись.

Члены нашего объединения, президентом которого мы выбрали Гарика, встречались, обсуждали рабочие проблемы, трудных пациентов, пили вино и общались. Не прошло и года, как Гарик внезапно заболел какой-то странной болезнью, во время которой сменялись синдромы и диагнозы. У него было воспаление легких и саркома Капоши, он лежал в больнице, но нам не говорили, в какой. Навестить его тоже не разрешала Женя. И не прошло и двух с половиной месяцев, как он скончался. Это было в начале эпидемии СПИДа, от которой мы еще потеряем друзей. Не было похорон, не было поминок или мемориального вечера. Вроде бы была кремация, и урну забрала Женя. Организация наша распалась. Остались статьи Гарика, которые я давала впоследствии своим студентам. Конец прекрасной эпохи.

Кони-Айленд

Ты помнишь аксеновские «Апельсины из Марокко»?
Америку Фолкнера,

Хемингуэя и Фланнери О'Коннор,
Виллидж Гертруды Стайн и легендарных клубов –
Blue Note, Fat Tuesday, The Village Vanguard?
Вкрадчивый бас Виллиса Коновера,
объявляющий джазовый час для русских,
пытающихся поймать оптимистические аккорды
«Take the A Train» на своих Спидолах.

Поезда сабвея, в которых я добиралась
из Квинса в Кони-Айленд,
были неприглядны –
вагоны были
разрисованы граффити
и безвоздушны – в них окна были полуоткрыты
тем летом восемьдесят первого.
Я помню, как я с удивленьем
наблюдала струйки пота
катившегося вниз по моим ногам
из-под единственного приличного
еще московского
летнего платья.

Клиника на Вест Восьмой
находилась в бывшей конфетной фабрике
расположенной над русским дели
там у дверей мрачно курили
иммигранты недобритые
шоферюги из кар-сервиса
под названьем Луна-Парк.
Владелец лавки деликатесов
родом из Одессы
там торговал копченой рыбой
и колбасами свиными
близко не лежавшими
к правилам кашрута
воздух был пронизан
душераздирающими звуками
песен Шуфутинского
чуть ли не с самого утра.

В психиатрической клинике
на верхнем этаже
там, где лечились выходцы из Советского Союза,
среди персонала также попадались иммигранты
– кубинец, полька, два москвича
грузинский психиатр-резидент
страдавший от проблемы выбора
меж сексуальных предпочтений
и другие.

Брайтонские жители являлись
в поисках ортопеда,
специалиста по челюстям вставным,
фудстемпов, а также с жалобами
на депрессию, сексуальные проблемы
и чувство вины
перед семьей, оставленной в совке.
Жизнь проходила по расписанию визитов пациентов
и в перерывах – в общении с коллегами
моей преподавательницей из МГУ
и ее сыном – психологом, художником
и азартным игроком
с кавказским психиатром-резидентом
запутавшимся среди своих любовей
и умненькой очкастой практиканткой
из бывших правозащитников еврейских.